

КРЫЛОВ Павел Валентинович / Pavel KRYLOV

| «Спор за ингерманландское наследство» |

КРЫЛОВ Павел Валентинович / Pavel KRYLOV

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский институт истории РАН.
Научный сотрудник, кандидат исторических наук.Russia, Saint-Petersburg.
Institute of History (Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg),
researcher, PhD in History.skuoritsa@yandex.ru

«СПОР ЗА ИНГЕРМАНЛАНДСКОЕ НАСЛЕДСТВО»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРАДИЦИОННАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ КУЛЬТУРА И НЕОИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ОКСИДЕНТАЛИЗМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуется явление общественной жизни Санкт-Петербурга 2000-х гг., проявившееся в конструировании региональной идентичности, привязанной к термину «Ингерманландия», обозначавшего в XVII в. провинцию Шведского королевства, в которую входили земли значительной части современной Ленинградской области и Санкт-Петербурга. В отличие от ингерманландских финнов, субэтнической группы финского народа, «новые ингерманландцы» отрицают какую бы то ни было этническую составляющую своей самоидентификации, ставя акцент на историческую принадлежность региона к европейской цивилизации ещё до основания города на Неве Петром I в 1703 году. Принцип открытости данной самоидентификации, основанной на сознательном выборе свободной самоопределяющейся личности, контрастирует с этнической замкнутостью значительной части российских финнов, претендующих на монопольное право называться «ингерманландцами», что в середине 2000-х гг. вызвало серьёзные трения в отношениях между представителями обоих направлений. В начале 2010-х гг. данные трения стали преодолеваются посредством участия в совместных культурных и мемориальных проектах.

Ключевые слова: идентичность, ингерманландия, этнический конструктивизм, западничество, регионализм

The dispute over "Ingrian Heritage": The construction of Ingrian identity, Finno-Ugric traditional culture and new- Ingrian Occidentalism in Saint-Petersburg and the surrounding region

The present article explores the phenomenon of Saint-Petersburg's society spanning the period of 2000–2010 — and the construction of a regional identity around the term "Ingria" or "Ingermanland". In the 17th century, the province of the Swedish Kingdom included the territory of the contemporary Saint-Petersburg and Leningrad region. The protagonists of this new identity don't recognize any ethnic factor, regarding their identification as Ingrians, in contrast to the Finns of Ingria, a sub-ethnic Finnish group, living in the Russian Federation. These "new Ingrians" emphasize their belonging to a region of European civilization, prior to the foundation of Saint-Petersburg by Peter the Great in 1703. The principles of openness, self-identification and a liberated personality strongly contrast to the ethnic closeness between the majority of Russian Finns, who claim to have an exclusive monopoly on the name of Ingria. From 2000–2008, this was a cause of great dispute. Nowadays, however, the dispute has been transformed into a state of mutual understanding through cooperation in cultural and commemorative actions and projects.

Key words: identity, regional identity, Ingria, Ingermanland, ethnic constructivism

«Ингрия», «Ижорская земля», «Ингерманландия», «Инкеринмаа», «Ингере» — существует много названий для входящей сегодня в Ленинградскую область небольшой части северо-восточной Прибалтики, примыкающей к обоим берегам Невы. Эта область образована южной частью Карельского

перешейка, Ижорским плато, бассейном рек Ижоры и Тосны, а также прибрежными территориями Финского залива от устья реки Сестры до устья Невы на севере и от устья Невы до устья Наровы на юге. Названия отражают перипетии её истории, пестроту этнического состава и присутствие разноязыких со-

седей. Впрочем, наличие нескольких означающих терминов сопровождается фактическим отсутствием означаемого. Невозможно точно определить, что собой представляют территория и население Ингрии, и в какой мере можно говорить о его этнических, языковых или культурных особенностях. В итоге открывается простор для фантазии и соперничества групп и сообществ, конкурирующих между собой за «ингерманландское наследство», и формулирующих свои представления о том, что такое Ингерманландия.

Условием данного соперничества стало продолжение эмиграции российских финнов. Вторая половина 2000-х гг. с её ростом жизненного уровня на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры в виде цен на нефть не оказалась отмеченной сколько-нибудь серьёзным снижением темпа их выезда на постоянное жительство в Финляндию, который поддерживается на уровне примерно в 600 человек в год. Кроме того, продолжается естественная убыль за счёт ухода из жизни старшего поколения, владеющего финским языком. По данным переписи 2002 года, самоопределились в качестве «ингерманландских финнов» 71 человек в Санкт-Петербурге и 35 в области, что дало повод активному участнику национального движения А. В. Крюкову с тревогой говорить об утрате региональной ингерманландской идентичности в пользу этнической финской: «Ингерманландские финны оказались «слишком нерусскими», чтобы остаться жить в России. Их «финское» самосознание в диаспоре оказалось сильнее местного, ингерманландского самосознания. Примат финского самосознания над ингерманландским (у финнов) предопределил и «расставание»

финнов с Ингрией... Жившие в Ингрии лютеране стремились быть непременно финнами, в конце концов, они здесь больше не живут»¹. Предлагаемый А. В. Крюковым набор критериев, кого считать ингерманландским финном, включающий следующие 10 позиций: «этническое самосознание; этническая территория; этническая эндогамия; общность происхождения; физический тип; характерные особенности психического склада; традиционная материальная культура; духовная культура и традиционные представления; конфессиональная принадлежность большинства; национальный язык»² — со стороны воспринимается очень далёким от реальности проявлением стихийно-примордиалистских представлений о «современной ингерманландской идентичности», крепко связанной в сознании с финской этничностью, «помещённой в сердце человека»³. Ещё в 1990-е гг. среди характеристик, позволяющих причислять себя к ингерманландским финнам, выделялись знание финского языка и принадлежность к евангелическо-лютеранскому исповеданию⁴, что совпадает с признаками «примордиальной привязанности», как её понимал Клиффорд Гирц, отмечавший значение «религиозного сообщества, говорящего на определённом языке или даже диалекте языка и следующего определённому типу социальной практики». В итоге, «каждый родственник связан с другим, сосед — с соседом, верующий — с единоверцем не просто по причинам личной привлекательности, необходимости единства, общих интересов или взаимных моральных обязательств, но и, в значительной степени, благодаря некоему абсолютному значению, которое эта связь приписывает себе»⁵. В 2000-е гг. лютеранство в России постепенно теряет черты этнической религии. В богослужении и церковном обиходе всё чаще используется русский язык, среди прихожан и работников, в том числе ординированных пасторов и диаконов начинают численно преобладать кадры, не имеющие этнических ингерманландско-финских корней, не знающие финского языка и не связывающие себя с историей и культурой рос-

¹ Крюков А. В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб, 2007. С. 322. См. также: «На первых порах дисперсность проживания ингерманландских финнов среди русских неизбежно приводила к развитию двуязычия среди финнов. Вскоре русский язык — язык школы и высшего образования — стал главным фактором русскоязычия молодого поколения ингерманландских финнов. Уже в 1960-х в полную силу вступил другой, еще более сильный фактор этнической ассимиляции — физическая ассимиляция — прямое следствие дисперсного проживания ингерманландских финнов, — в том числе и у себя на родине — в Ингрии. Отсутствие внутренних установок на этническую эндогамию в сочетании с дисперсностью проживания привело к возрастанию доли межэтнических браков среди финнов вплоть до их полного преобладания. Результат — старение народа: немногочисленность — если не практическое отсутствие — возрастных групп до 30 лет, представители которых определяли бы себя как ингерманландских финнов». См.: Крюков А. Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса. <http://proingria.livejournal.com/8251.html#cutid1> Дата обращения 23.02.12.

² Крюков А. В. Ингерманландские финны... <http://proingria.livejournal.com/8251.html#cutid1> Дата обращения 23.02.12.

³ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб, 1996. С. 113.

⁴ Егоров С. Б., Киселёв С. Б., Чистяков А. Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. СПб, 2007. С. 56.

⁵ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб, 1996. С. 115.

КОТЪЛЁВ Александр Юрьевич / Alexander KOTYLEV

| «Спор за ингерманландское наследство» |

сийских финнов. Одновременно, утрачивается и разговорный финский среди тех, кто продолжает причислять себя к финнам. «К сожалению, — признаётся один из активистов «Союза ингерманландских финнов», — родной язык невозможно впитать с молоком матери...»⁶. В таких условиях руководство «Инкерин Лиитто» начинает задумываться о переосмыслении представлений о критериях финской идентичности в России, иными словами «можно ли остаться финном, окончательно утратив финский язык?»⁷ К примеру, Михаил Браудзе, директор издательства «Гйоль», занимающегося составлением собственных сборников воспоминаний и книг памяти, переводами новой финской и шведской литературы или «классиков» истории Ингерманландии и ингерманландских финнов⁸, полагает, что «нужно быть реалистами. Нам безусловно нужны курсы финского языка, но прочитать статью, а тем более книгу по истории, культуре и т.д. на финском языке могут очень немногие. И нужно работать на том языке, который люди понимают. Иначе окончательно их потеряем»⁹. Издательство принципиально выпускает книги на русском языке.

Впрочем, наиболее серьёзным вызовом для активистов из числа ингерманландских финнов стало появление внеэтнической региональной ингерманландской идентичности, в центре которой находятся идеи т.н. «русской Ингерманландии». В соответствующем манифесте, автором которого является Санкт-Петербургский журналист В. Шаву, можно прочесть следующее: «Так уж сложилось, что именно в Ингерманландии, а

вовсе не в Великом Новгороде с его историческими традициями, не в территориально-близкой к Евросоюзу Калининградской области (Восточной Пруссии) и не в максимально-удалённом от Москвы Приморском крае, наиболее мощное развитие получил процесс региональной самоидентификации (*identity*). Этот процесс детально исследовался многими петербургскими учеными, общественными деятелями, журналистами... Стоит, однако, подробнее остановиться на русском аспекте этого процесса, дабы опровергнуть обвинения в «иностранном», «немецком» и «финском» происхождении этой *identity* (автор не видит ничего плохого в «иностранном» происхождении подобной самоидентификации, но объективности ради стоит подчеркнуть ее русские корни). Начать следует с того, что региональная самоидентификация в этом регионе всегда была своего рода смесью между «национальным» (живущие здесь, местные, аналог белорусского «тутейшие») и «интернациональным». Последнее понятие следует расшифровать подробнее — в связи с неоднозначностью его трактовки в современных российских условиях. Стоит вспомнить, что именно на территории Приневского края бок о бок проживали славяне и угро-финны, представляя собой уникальный образец симбиоза: жили черезполосно (славянская деревня — угро-финская, снова славянская и снова — угро-финская). Все жители края — и эта традиция сохранялась не только при Новгородской республике, но частично и при Российской империи — знали язык друг друга, могли свободно общаться, торговать, ходили друг к другу в гости, вместе отмечали праздники — особенно дохристианские (Юханнус, он же Иванов день и проч.), брали жен из соседних народов. Однако при этом народы не смешивались, не ассимилировались, сохраняя свою самобытность, уклад и традиции — именно этот факт следует признать уникальным»¹⁰. Исторически сложившаяся модель совместного проживания, как утверждает М. Н. Губогло, может стать фундаментом для формирования региональной идентичности, выдвигающейся на первое место по сравнению с остальными вариантами самоидентификации¹¹. Нечто подобное, на наш взгляд, демонстрирует нам рассматриваемое явление.

Петербург, в изображении «неоингерманландцев», как впрямь я буду для удобства обозначать тех, кто в той или иной степени разделяют эти идеи, словно воплощает в себе всё лучшее, что некогда было и в финской Ингрии и русской России. Образ «страны сказок», утраченной в век войн и революций, вновь оживает в стихотворении А. Деконской «Белые рыцари Ниеншанца (сказка для детей от бабушки с Охты)»:

*«С давних пор люди слышали в песнях,
Что поют у костра рыбаки,
Про невиданный город чудесный
У изгиба могучей реки.
Здесь, под северным небом холодным
Жил отважный и честный народ.
Занимался трудом благородным,
Не боялся судьбы и невзгод.»*

⁶ Егоров С. Б., Киселёв С. Б., Чистяков А. Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. СПб, 2007. С. 57.

⁷ Кокко В. А. Тенденции развития национального движения ингерманландских финнов // Этнография Петербурга — Ленинграда. Тридцать лет изучения 1974 — 2004. Сост. Н. В. Юхнёва. СПб, 2004. С. 271 — 299. С. 298.

⁸ Книга памяти финнам репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Сост. Л. А. Гильди, М. М. Браудзе. Т. 1. СПб, 2010; Хаммарстрём У. Ингерманландцы, которые бежали в Швецию. СПб, 2010; Финны-ингерманландцы в котлях ГПУ. Сборник писем сосланных финнов. Опубликовал по поручению союза финнов-ингерманландцев Карло Курко. СПб, 2010; Флинк Т. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955. СПб, 2011.

⁹ Inkeri. 2(075). Joulukuu 2011. S. 7.

¹⁰ Шаву В. Русская Ингерманландия..., <http://ingria.info/articles/128-2007-08-03> Дата обращения 23.02.2012.

¹¹ Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003. С. 400.

КОТЪЛЛЕВ Александр Юрьевич / Alexander KOTYLEV

| «Спор за ингерманландское наследство» |

Лучший хлеб, лучший мед и печенье
 Увозили отсюда купцы,
 И художников лучших творенья
 Упльвали в чужие дворцы...
 ...Много лет с этих пор пролетело,
 Новый город разросся вокруг,
 Но историю крепости смелой
 Сохраняет в себе Петербург...»¹²

Для неоингерманландцев характерен последовательный конструктивизм в полном соответствии с «заветами» Бенедикта Андерсона, видевшего в нации социально сконструированное сообщество, воображённое людьми, как нечто неизбежно ограниченное¹³. О принципиальной возможности внедрить в сознание части жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области образы новой идентичности говорил во время открытой дискуссии о будущем Санкт-Петербурга и Невского края в пресс-клубе «Зелёная лампа» Константин Сакса: «Вот какой совет дают мудрые российские чиновники: чтобы попасть в российский бюджет, обратитесь за поддержкой к гаранту российской конституции с просьбой создать Ингерманландскую автономию в составе России, тогда у Вас и бюджет будет... Не беда, ингерманландцев мы создадим, ведь достаточно во время очередной переписи всем желающим записаться в ингерманландцы, независимо от пола и возраста, происхождения и вероисповедания. А будет бюджет — и проблемы с Ингерманландией не будет, все жители Великой России сразу узнают, что это такое и с чем ее, Ингрию, едят. Придет время, и Родина спросит, а ты записался ингерманландцем?»¹⁴

Идею горячо поддерживает музыкант и автор песен Вадим Курылёв, выпустивший обращение накануне переписи населения 2010 года: «Я поддерживаю проект — запишусь ингерманландцем! Всех питерцев призываю сделать то же самое! Чем больше будет ингерманландцев, тем лучше для города!»¹⁵

Процесс, в ходе которого будет осуществляться конструирование и распространение новой идентичности, получил у его сторонников название «практикующее краеведение», что подчёркнуто отрывает его от какой бы то ни было этнической привязки. Среда, в которой явление зародилось, охарактеризована как группа «мыслящих петербургских интеллигентов, ратующих за развитие своего края — Петербурга, Ингерманландии, Новгородской Руси — в исторических традициях европейского социума»¹⁶. Таким образом, налицо апелляция к высокому статусу петербургской интеллигенции в российском обществе и претензия на обладание этим статусом в личном качестве, что

должно обеспечить «неоингерманландской идее» благожелательный приём.

Основополагающий принцип движения — открытость: «Стать практикующим краеведом может каждый, кто родился на нашей земле, чьи корни уходят в наш край, или кто сознательно выбирает путь практикующего краеведения независимо от места рождения, пола, национальности и вероисповедания»¹⁷. Правило свободного выбора новой ингерманландской идентичности декларирует свою диаметрально противоположную закрытости этнического активизма ингерманландских финнов, который маркируется как устаревший и обречённый на исчезновение в результате эмиграции в Финляндию части российских финнов и ассимиляции других.

Принципиальная возможность созидания нового народа обосновывается посредством апелляции к представлениям Л. Н. Гумилёва, который, в отличие от Б. Андерсона, неоингерманландцам известен, и на которого они ссылаются. Недаром, первый «принцип практикующего краеведения» — «принцип пассионарного взлёта»¹⁸. «Мы верим, что наш народ возродится в XXI веке, и это будет новым политическим, экономическим и социальным явлением. Наша духовная база — традиции Новгородской Руси, финно-угорских народов, культура Петербурга.

Наша цель — практическим изучением края приблизить пассионарное возрождение народа. Мы верим, что дельта Невы в XXI веке вновь станет плацдармом для исторического творчества, результатом которого станет новый пассионарный взлёт Европы»¹⁹. Заимствовав гумилёвскую теорию появления новых наций применительно к Санкт-Петербургу, взгляды Л. Н. Гумилёва и его последователей на российскую историю неоингерманландцы начисто отвергают. «Мы — естественная часть Европы, мы имеем полное право называться европейцами, и никто не может лишить нас этого права. Мы категорически не приемлем принципов Евразийства (или Азиопства), считая бессмысленными втянуть Северную Европу в сферу интересов азиатских кланов»²⁰. Другой автор и вовсе называет евразийские идеи «завиральными», а понятие евразийство не употребляет без кавычек, настаивая на том, что «Владивосток, Хабаровск и даже Тамбов никогда не станут

¹² <http://alert-dog.livejournal.com/2008/02/17/> Дата обращения 23.02.2012. См. также: Ингерманландский можевельник. Стихи и песни о нашей родине. СПб. 2008. С. 26–28.

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30.

¹⁴ «Придёт время и Родина спросит: «А ты записался ингерманландцем» // <http://ingria.info/articles/196-2010-09-19> Дата обращения 23.02.2012.

¹⁵ <http://shavu.livejournal.com/2010/09/21> Дата обращения 24.02.2012.

¹⁶ Вертячих А. Ю. Принципы практикующего краеведения // Седая кровь Ингерманландии. Сборник статей. СПб, 2008. С. 3.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 368.

¹⁹ Вертячих А. Ю. Принципы практикующего краеведения... С. 4–5.

²⁰ Там же. С. 5.

географически ближе к Петербургу, чем Хельсинки, Таллинн (название столицы Эстонии подчёркнуто пишется автором с двумя «н» — П. К.) или Стокгольм»²¹. Что касается его памфлета, то его единственный смысл — продемонстрировать читателю многовековую связь Петербурга и окружающей его территории с Европой в экономике, демографии, культуре, человеческих отношениях. Текст, однако, написан весьма поверхностно, с заимствованием одних привычных историографических мифов (например, о зависимости голода во время блокады Ленинграда от уничтожения Бадаевских складов) или примитивным развенчиванием других, о красном Петрограде как оплоте большевиков.

Представление о месте Санкт-Петербурга в российской и европейской истории в значительной мере опирается на пособие К.С. Жукова «История Невского края с древнейших времён до конца XVIII века», в котором более двух третей объёма посвящены допетровскому периоду. Подобное отношение обусловлено заявленной автором концепцией его сочинения, претендующего на то, чтобы «откорректировать некоторые представления об истории Невского края, сложившиеся в рамках имперской исторической парадигмы». Он исходит из того, что «одна и та

же территория переходила от одного государства к другому, но при этом оставалась собой, сохраняя характерный для населения тип культуры, менталитет, традиции и т.п.»²² Подобной территорией К.С. Жуков видит Санкт-Петербург и Ингерманландию, и его концепция находит в среде неоингерманландцев весьма благожелательный приём. В качестве группы поддержки они участвовали в целой серии презентаций данной книги, проведённых в библиотеках Санкт-Петербурга.

Образ Ингерманландии, вокруг которого осуществляется конструирование, основывается на нескольких постулатах.

1. Самоидентификация с Европой, с Западом, которой не мешает русское этническое происхождение большинства тех, кто отождествляет себя с Ингрией.

«Само слово «Ингерманландия» шведское (что, впрочем, не отрицает его «русскости» — ибо во-первых Рюрик со своей русью по одной из гипотез прибыл из Дании, а во-вторых, никому не мешают «не вполне русские корни» названия «Санкт-Петербург»). «Ингерманландия» с этой точки зрения вполне укладывается в западничество Петра Великого, назначившего, кстати, губернатором и Великим Князем Ингерманландским

²¹ Пуговкин А. Балтийский путь Петербурга. СПб, 2011. С. 36.

²² Жуков К. С. История Невского края (с древнейших времён до конца XVIII века). Книга для учителя. СПб, 2010. С. 3–4.

светлейшего Александра Даниловича Меншикова»²³. Фигура Петра I поэтому может восприниматься вполне положительно, тем более, что «в его активе» есть такое действие, как учреждение Ингерманландской губернии указом 18 декабря 1708 г.

2. Межэтническая гармония и доброе соседство, основанные на осознании своих собственных традиций и уважении к традициям других. «Мы являемся наследниками всех, кто здесь жил, а не только тех, кто пришёл сюда в последние 300 лет»²⁴.

При этом собственно к финнам-ингерманландцам никакого особенного пиетета неоингерманландцы не испытывают: «Часто, говоря об Ингерманландии, подразумевают ингерманландских финнов. Повторяю, наша земля всегда была многонациональной. Ингерманландские финны — лишь один из нескольких населяющих её народов. Ничем не лучше, но и не хуже остальных. Безусловно, нужно устранить все последствия репрессий, которым ингерманландские финны подвергались в 1937-1990 годах. Однако претензии части ингерманландских финнов на статус титульной нации ничем не обоснованы. Скорее, на такой статус могли бы претендовать ижоры, ныне практически полностью ассимилированные как русскими, так и теми же ингерманландскими финнами. Более того, ингерманландские финны — не коренной народ: их переселили в Ингер-

манландию в XVII веке. Тем более, не ставится вопрос о внедрении в Ингерманландии финского языка. Сейчас подавляющее большинство населения Ингерманландии свободно говорит по-русски. Такое положение должно сохраняться и впредь. Но при этом должны быть созданы все условия для изучения любых других языков по мере интереса к ним»²⁵.

3. Основным носителем позитивной традиции является «город». По этой причине очень важное значение приобретает идея преемственности Санкт-Петербурга от Ниеншанца — шведского военного, административного, экономического и культурного центра, существовавшего у впадения Охты в Неву с 1611 года. «Мы видим, как из земли, до предела набитой смертельным металлом многих войн, из земли, где мы буквально на каждом её метре идём по бывшим кладбищам — прорастает нечто новое, требующее осмысления. Недаром одним из уже современных символов нашей жизни стал Ниеншанц, пока в реальности являющийся разрытой площадкой под дождями и снегами. Но он вошёл в нашу творческую повседневность не только как требующий спасения памятник — а как зов будущего...»²⁶. Логичным продолжением этого интереса к городской традиции стало активное участие во многих, если не во всех акциях, посвящённых защите того или иного архитек-

²³ Шаву В. Русская Ингерманландия..., <http://ingria.info/articles/128-2007-08-03> Дата обращения 23.02.2012.

²⁴ Ланин Д. Культура Петербурга: от имперской — к национальной! // Ингерманландский можжевельник. Стихи и песни о нашей родине. Вып. II. СПб, 2009. С.30.

²⁵ Шаву В. Русская Ингерманландия..., <http://ingria.info/articles/128-2007-08-03> Дата обращения 23.02.2012.

²⁶ Гаврилина С. Вершины сосен и корни травы // Ингерманландский можжевельник. Стихи и песни о нашей родине. Вып. IV. СПб, 2012. С. 4.

КОТЪЛЛЕВ Александр Юрьевич / Alexander KOTYLEV

| «Спор за ингерманландское наследство» |

турного памятника в Санкт-Петербурге и Ленинградской области начиная от остатков фортификационных сооружений на Охтинском мысу, оказавшихся под угрозой из-за предполагаемого строительства делового комплекса «Охта-Центр» (первое название «Газпром-Сити»), заканчивая остатками каменной мельницы на реке Ижора. «А верить надо в Петербург! В его землю, воду, небо, камни, людей! Остальное неважно. Это правило одинаково действенно и в устройстве собственной жизни, и в понимании смысла и назначения своей работы... *non orbi, sed urbi*»²⁷.

4. Кроме того, в качестве основополагающей ценности рассматривается свобода. «Только свободные народы смогут ответить на те вызовы, которые ставит перед нами глобальное будущее»²⁸, — утверждает один из авторов. Присутствие некоторого количества активистов, считающих себя ингерманландцами на политических акциях либерального и демократического толка является закономерным следствием подобного представления.

5. Приоритет локального перед глобальным, который одна из авторов иллюстрирует следующим примером: «Я поступлю по-ингерманландски», — услышала недавно от одной некоренной молодой петербурженки, общественной активистки, по поводу её отношения к выборам. Её спросили: «Что такое по-ингерманландски?» Ответ был такой: её волнует судьба этой земли больше, чем чуждых дальних земель, входящих в состав РФ, а судьба Охтинского мыса — больше, чем любой исход думских выборов»²⁹.

6. Роль и значение метафоры приобретает и сама Ингерманландия, в чём признаётся В. Курылёв. «Неоднозначность этого положения земли инкере меня, как художника, очень привлекла, да и сам Петербург — город туманов и призраков — казалось, всегда скрывал какую-то важную тайну... Этой тайной и оказалась Ингерманландия — страна, которая географически осталась здесь же, но словно переместилась в параллельное пространство. Увидеть её, как Шамбалу, дано не каждому, а только достигшему определённых духовных высот... Ингерманландия для меня в первую очередь художественный антиглобалистский символ»³⁰.

Любопытно, что в качестве основополагающих «факторов региональной идентичности» предлагаются положения, в очень незначительной степени совпадающие с теми, что отметил для Северо-запада России в своём исследовании М. Н. Губогло:

- Край трёх колыбелей: Новгород — «земель русских», Санкт-Петербург — Российской империи, Ленинград — Октябрьской революции;
- Большая роль в истории при малой территории;
- Заповедник древнерусской культуры, начало Рюриковичей;
- Скудость природных ресурсов;

²⁷ Ланин Д. Культура Петербурга: от имперской — к национальной!... С. 28–29.

²⁸ Шаву В. Русская Ингерманландия..., <http://ingria.info/articles/128-2007-08-03> Дата обращения 23.02.2012.

²⁹ Гаврилина С. Вершины сосен и корни травы // Ингерманландский можжевелник. Стихи и песни о нашей родине. Вып. IV. СПб, 2012. С. 4–5.

³⁰ Интервью с рок-музыкантом Вадимом Курылёвым // Вертячих А. Ю. Принципы практикующего краеведения... С. 18–19.

- Очаг художественной культуры (Пушкин, Достоевский, Белинский, Гоголь)
- Истинная культурная столица;
- Кузница кадров для «Северов»;
- Постсоветский упадок, отставание от Москвы в деле модернизации;
- Поставщик кадров в высшие органы государственной власти РФ³¹.

Можно предположить, что несовпадение представлений о базовых значимых характеристиках Невского края связано с предлагаемым «пересмотром имперской исторической парадигмы».

Деятельность «практикующих краеведов» не ограничивается публикацией в интернете и изданных за свой счёт брошюр текстов, отражающих их взгляды. В ней могут быть выделены три направления:

1. Охрана памятников природы, истории и культуры;
2. Творчество;
3. Политическая активность.

Объекты природного и культурного наследия Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в частности, редкие памятники допетровского периода, представляют для практикующих краеведов особую ценность. Следствием подобной ценностной установки являются попытки содействовать их сохранению и восстановлению, что проявилось в участии в самых разнообразных акциях. От общегородского движения против строительства «Охта-центра» на Охтинском мысу, до локальных событий, например, выставках, посвящённых руинам «Каменной мельницы» в Пудости, проведённых в трёх местах, или субботников или молебнов на исторических кладбищах. Впрочем, для «практикующих краеведов» свойственно неприятие любых вмешательств в историческую застройку Санкт-Петербурга, которое они демонстрируют в ходе разнообразных градозащитных мероприятий. Однако материальных ресурсов для того, чтобы участвовать в судьбе того или иного памятника, к примеру, «Каменной мельницы», у них нет. Потому их деятельность вынужденно ограничивается привлечением общественного интереса к проблемам сохранения исторического наследия.

Пожалуй, самым ярким из событий, организованных в рамках данного направления, стала международная конференция, проведённая 17 декабря 2011 г. Поводом стали две даты, которым «практикующие краеведы» придают важное значение: 400-летие Ниеншанца — шведского города в дельте Невы, начала строительства которого было положено основанием новой крепости на Охтинском мысу в 1611 году, и 370-летие Урбана Хьярне — уроженца Ингерманландии, сделавшего блестящую научную и придворную карьеру в Швеции в конце XVII — начале XVIII вв. В конференции приняли участие известные петербургские историки, занимающиеся исследованиями XVII в., археологи, краеведы, а также учёные из Швеции и Эстонии.

Творческая активность вылилась в 4 поэтических сборника «Ингерманландский можжевелник», увидевших свет в 2008–2012 гг. Кроме того, было устроено несколько фестивалей современной музыки, в которой используются традици-

³¹ Губогло М. Н. Идентификация идентичности..., С. 455.

онные финно-угорские мотивы, с участием групп из Карелии и Норвегии. Творчество петербургских коллективов «Бестиарий», «Конец лета» и «Минус трели», которые заявляют о своём интересе к музыкальному наследию финно-угорских народов Ленинградской области и стремлении к их переосмыслению в своих композициях, пользуется неизменной симпатией неоингерманландцев.

Что касается политической деятельности, то её признаком стало регулярное появление флага с изображением сине-красного креста в золотом поле на петербургских митингах, главным образом, либерального толка.

При этом обращение с этнографическим наследием финно-угорских народов Ленинградской области в собственных творческих эскизах более чем произвольно. В ходу цвета — красный, синий и золотой. Но не более того. Стремления к аутентичности — не обнаруживается, что, впрочем, вполне объяснимо, учитывая откровенные слова В. Курылёва, под которыми многие представители группы могли бы подписаться: «Вообще-то в краеведении я полный профан, хотя мне всё это интересно. Связь с Ингрией у меня скорее метафизическая. Одно из моих любимых мест в городе — Летний сад. Когда я жил в центре, я в нём регулярно бывал и сочинял стихи — меня там посещало вдохновение. Потом оказалось, что на месте Летнего сада раньше была ижорская деревня... Большинство, когда слышат слово «Ингерманландия» переспрашивают «что-то?» В молодёжных кругах эта тема интересна пока на уровне прикола — несуществующая ныне страна, призрак которой молчаливо стоит над городом. Есть тут некий «фэнтезийный» мотив, но никто не понимает, в чём реальная сегодняшняя суть идеи»³².

По всей видимости, именно политическая активность «русских ингерманландцев», их постоянное участие в протестных акциях вызвало неприятие со стороны этноактивистов: «Вы можете считать себя кем угодно, но мы, ингерманландские финны, требуем прекратить использование национального флага ингерманландских финнов (а именно таковым он является)», — заявляет А. В. Крюков, — «Использование его в качестве некоего политического символа участниками прошедшего 24 марта съезда общества «Инкерин Лиитто» воспринимают как провокацию. Вопрос этот достаточно серьезно обсуждался. Произошедшее вызвало у людей искреннее возмущение. Я не хочу вступать в политические дискуссии, но это флаг не может и не должен быть символом какой-либо политической организации. Появление нашего флага рядом с флагами нацболов (еще год назад скандировавших «Сталин, Берия, Гулаг») воспринимаю как оскорбление памяти ингерманландских финнов уничтоженных коммунистическим режимом, а также — умерших в нацистском концлагере Клоога (флаг нацболов вызывает недвусмысленные ассоциации)... Ингерманландские финны — особый этнос, говорящий на финском, но сформировавшийся здесь, на этой земле. Это и äugämöiset, и савакот, и принявшие лютеранство ижоры, и приемные дети, воспитывавшиеся в финских семьях. В культурном плане и финны испытывали влияние также и со стороны русских и эстонцев... Ваше же

стремление провозгласить флаг ингерманландско-финских отрядов неким общим территориальным символом можно объяснить лишь бесплодными попытками найти в истории прямое обоснование вашей идее. Если вы пришли с этим флагом на Юханнус или рыцарский турнир в Выборге — одно дело. Но не надо размахивать им на политических акциях достаточно сомнительного толка»³³.

Коллеге вторит директор «Издательского дома Инкери» А. Сыров на страницах одноимённой газеты. По его мнению, соперники в их беспочвенных претензиях «...беспардонно воспользовались историческим словом Ингерманландия в своих политических целях, и не имеют никакого отношения к ингерманландцам настоящим»... Корень явления — устремления «фрондирующей интеллигенции» — «Ни для кого не является секретом, что многие петербуржцы исторически в душе недолголюбивают москвичей, а свой город считают символом «европейскости». «Эти-то «регионалисты» — кстати сказать, русскоязычные до мозга костей...» «Что это? Детская болезнь петербургской интеллигенции или провокация? Не секрет, что революционные, экстремистские или сепаратистские организации зачастую финансируются силами, рассчитывающими дестабилизировать обстановку в той или иной стране...» «Не стоит путать «практикующих краеведов», для которых историческая Ингрия отнюдь не земля предков, но разменная монета в политических играх, с настоящим национальным движением ингерманландских финнов, движением многогранным и неоднородным, но, слава Богу, изначально, с самого момента своей легализации в перестроечную эпоху, полностью лишённым черт экстремизма»³⁴.

Достоин упоминания и обращение без подписи от имени редакции газеты «Инкери» сделанное по поводу рекламы сайта www.ingria.info : «В Петербурге появились листовки провокационного содержания, привлекающие внимание национальным флагом ингерманландских финнов (в чёрно-белом исполнении). Внизу листовки — отсылка к некому сайту... В атрибутике сайта используется национальный флаг ингерманландских финнов. При этом ингерманландско-финская тематика на сайте отсутствует — похоже, она чужда его создателям. Сведений об организаторах и администраторах сайта найти не удалось. О том, что это за люди, можно только догадываться. Заявляем, что деятельность общества «Инкерин Лиитто» и газета «Инкери» никак не связаны с упомянутым сайтом и листовками. Мы не разделяем их настроений, а их лозунги и призывы считаем вредной демагогией. Кроме того, мы считаем неприемлемым использование национальной символики ингерманландских финнов лицами, не имеющим отношения к ингерманландским финнам и их общественным организациям»³⁵.

В декабрьском номере 2010 г. противостоянию «практикующим краеведам» посвящено целых два небольших материала. Первый — письмо читателя, озаглавленная цитатой из советского фильма «Собака Баскервилей»: «Что это, Бэрримор?». Автора зацепила надпись на заборе «Ингрия — наша Родина!».

³³ <http://proingria.livejournal.com/809.html> Дата обращения 25.02.2012.

³⁴ Сыров А. «По какому праву «петербургские сепаратисты» размахивают флагом Ингерманландии?» // Inkeri. № 1 (070). 2009. С. 12.

³⁵ «Осторожно — провокация» // Inkeri. № 2 (071). 2009. С. 19.

³² Интервью с рок-музыкантом Вадимом Курылёвым // Вертячих А. Ю. Принципы практикующего краеведения... С. 21.

которую он сфотографировал и прислал в редакцию. Размышляя над вопросом об авторстве надписи, корреспондент предполагает, что она — дело рук молодёжи, потому как «невозможно представить, чтобы подобным делом занимались взрослые люди». Поскольку, уверен он «никакой местной финской молодёжи просто не существует», финны-ингерманландцы здесь тоже не причём. Наиболее правдоподобным ему кажется, что это «дело рук новых язычников, которые зацепились за слово Ингрия». Сделав подобный вывод, автор не удерживается от сентенции: «Если так, то хочется сказать: ребята, зачем вам Ингрия? Что вы о ней знаете? И откуда? Из интернета? Хотите быть оригинальными, учите языки (китайский, арабский), тренируйтесь, зарабатывайте. А Ингрию оставьте в покое. Ей и без вас тошно»³⁶.

Второй представляет собой заметку наблюдателя из Финляндии, который признаётся: «... автор этой заметки неожиданно узнал от корреспондентов известной петербургской газеты (уроженцев Белоруссии), что в переписи-2010 они записали себя «ингерманландцами» (на том основании, что живут «в Ингерманландии», фактически — в Петербурге). Так мы узнаём, что «ингерманландцы» — это не обязательно финны»³⁷. Последнее, похоже, вызывает явное недоумение автора.

Опасения этноактивистов объясняются группой причин:

Боязнь утраты монополии на использование термина «ингерманландец» и ингерманландской этнической символики, что может стать прелюдией к полной ассимиляции российских финнов, притом «изнутри», посредством их растворения в «неэтнических ингерманландцах».

Актуализация «векового страха» — боязнь пострадать из-за оппозиционного настроения «практикующих краеведов», который может спровоцировать новую волну репрессий, объектом которых станут ингерманландские финны по принципу сходства этнонима.

Своих соперников, насколько можно было понять из приводимых цитат, они именуют «пришельцами», не владеющими финским языком, не имеющими настоящих этнических корней, связывающих их с исторической Ингерманландией и, таким образом, стремятся продемонстрировать беспочвенность их претензий на самоидентификацию в качестве ингерманландцев и, фактически, самозванство. Кроме того, их политическую активность рассматривают как проявление нелояльности. В ответ звучат упреки в социальной пассивности, политическом конформизме и замкнутости внутри этнического ядра, которая характеризуется как бесплодный национализм, ведущий к эмиграции в Финляндию.

Впрочем, «спор за ингерманландское наследство» остаётся, по большому счёту, бурей в стакане. Невовлечённые в него наблюдатели за происходящими в России общественно-политическими процессами редко обращают на него внимание. В редких откликах иногда встречается благодушие с оттенками пренебрежения. Анонимный автор статьи «Новые автономисты в поисках идентичности» видит в их оксиденталистских устремлениях признаки «духовной эмиграции», которая «отвлекает потенциальных оппонентов режима от участия в дея-

тельности «официальной» оппозиции». «К Каспарову у правдивого ингерманландца симпатии будут отнюдь не больше, чем к Путину», — уверен автор. «То есть перед нами неплохой способ «поддать пару» народного недовольства, ничем не рискуя. Приблизительно, как и советской власти не сильно угрожало «легализованное диссидентство» в форме чтения «Литературной газеты», — заключает он³⁸.

Впрочем, иногда встречаются и алармистские высказывания. Журналист газеты «Невское время» Павел Виноградов заметил некое «странное общественное движение, имеющееся на политической карте Петербурга. В нем участвуют в том числе и отдельные потомки ингерманландских финнов, но этническим его назвать невозможно... Первая странность: национальный состав этой группы в массе своей весьма далек от традиционного населения региона. Невозможно, согласитесь, представить басконское, например, движение, большинство в котором составляли бы испанцы, французы и итальянцы, а также примкнувшие на основании отдаленного родства армяне... Следующая странность в целях, кои довольно размыты. Разные группки (иногда их объединяют расплывчатым наименованием «краеведы») по-разному видят будущее «Ингрии» — от полного отделения от «Московии» до широкой автономии»³⁹.

Как в будущем сложатся взаимоотношения между двумя группами, претендующими на ингерманландское наследство, спрогнозировать невозможно, однако, можно констатировать, что «ушедшая Ингрия» сохраняет свою привлекательность не только для этнических финнов, живущих в России или Финляндии. Трагическая судьба небольшого народа, романтические образы руин старинных церквей, печальные и весёлые народные напевы притягивают к себе людей самого разного этнического происхождения, укрепляя перспективы позитивного отношения ингерманландских финнов к собственной культуре, которое, таким образом, приходит, по сути дела, извне — от людей, финских или финно-угорских корней не имеющих. С другой стороны, формируется основание для трансформации политической активности «практикующих краеведов» в активность культурную, что послужит обогащению общероссийского культурного фонда за счёт развития и продвижения самобытной и привлекательной культуры российских финнов, ижоры и води, традиционно проживающих в Ингерманландии.

Необходимо отметить, что уже упомянутый Б. Андерсон полагал, что для успешного появления новой идентичности необходимо сочетание трёх условий:

- Отмирания веры в сакральный язык, дающий доступ к высшему онтологическому знанию;
- Отмирания веры в общественное устройство, сформированное вокруг высшего центра, монарха, чья власть установлена высшими силами;
- Исчезновения прежней темпоральности, объединявшей космологию и историю⁴⁰.

³⁸ «Новые автономисты» в поисках идентичности // www.ladoga-park.ru/a081108202140.html Дата обращения 25.02.2012.

³⁹ Виноградов П. «Призраки Ингрии» // www.nevskoevremya.spb.ru/5037/prizrakiingrii/ Дата обращения 25.02.2012.

⁴⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 58.

³⁶ Мустин И. «Что это, Бэрримор?» // *Inkeri*. № 2 (073). 2010. С.13.

³⁷ Вирки В. «Перепись — 2010» // *Inkeri*. № 2 (073). 2010. С.14.

КОТЪЛЕВ Александр Юрьевич / Alexander KOTYLEV

| «Спор за ингерманландское наследство» |

Можно констатировать, что сегодня данное сочетание присутствует. Во-первых, финский язык утратил своё сакральное значение для определения причастности к ингерманландской идентичности. Во-вторых, разрушение СССР и последовавшие за ним события серьёзно подорвали веру в сакральность современного государства. Наконец, в-третьих, повествование о прошлом и России, и Невского края подверглось серьёзному пересмотру. Наряду с таким благоприятным сочетанием внешних условий, появились признаки того, что носители финско-ингерманландской идентичности, по крайней мере, некоторые из них, стали относиться к неингерманландцам без прежнего категорического неприятия. Тем более, что в их мировоззрении проявляется тот самый «местечковый патриотизм», любовь к малой родине — Ингерманландии — на отсутствие которого у российских финнов так сетует А. В. Крюков. Вторая половина 2011 года дала несколько примеров сотрудничества, которое прежде было едва ли возможным — субботники на истори-

ческих кладбищах, совместное поминание жертв репрессий, акции по привлечению внимания к судьбе исторических памятников, получившие отражение на страницах декабрьского номера газеты «Инкери» за 2011 год, среди авторов которой появились некоторые представители «неоингерманландцев»⁴¹. Получит ли тенденция своё развитие, покажет недалёкое будущее.

«В отличие от этнической идентичности, формирование региональной идентичности не получило должной теоретической и эмпирической разработки ни в отечественной, ни в зарубежной науке», — констатирует М. Н. Губогло⁴². Возможно, подобные описанному в статье яркие примеры самоидентификации привлекут внимание учёных и станут предметом их исследований.

⁴¹ Деконская А. Молебен на Митрофаньевском кладбище // *Inkeri*. № 2 (075) — 2011. С. 5; Коркка А. Прошёл субботник на Кирхгофе // *Inkeri*. № 2 (075) — 2011. С. 10.

⁴² Губогло М. Н. Идентификация идентичности..., С. 445.

